

Линь Жань перестала кусаться, погладила то место, прислонилась к ней и улеглась рядышком, начав рассказывать о том, что видела за последние дни:

— В ту ночь я хотела навестить тебя, да только наткнулась на убийц.

Она быстро успокоилась, положив руку на ладонь Му Лян, и кончиком указательного пальца начала водить круги по её коже, помогая Му Лян тоже обрести покой.

Она была как ребёнок, долгое время отсутствовавший дома, рассказывая о своих переживаниях и обидах, отчего хотелось лишь жалеть её, а не ругать.

Му Лян молча слушала, мягко поглаживая её шею сзади, и не проронила ни слова. Когда Линь Жань закончила свои рассказы и закрыла глаза, она опустила взгляд, чтобы рассмотреть девушку в своих объятиях. Детская наивность в её чертах лица, казалось, уступила место собственной привлекательности.

Вскоре после того, как Линь Жань уснула, Му Нэн пришёл во двор Утун, и служанка постучала в дверь, позвав княжну.

Му Лян привела себя в порядок, её лицо было окрашено неестественным румянцем. Она не хотела, чтобы отец что-то заметил, поэтому перед бронзовым зеркалом нанесла немного пудры, чтобы скрыть свои чувства, и только после этого вышла.

Му Нэн вернулся из управы, услышав, что Линь Жань вернулась, и, естественно, был вне себя от радости, но также беспокоился о её ранах, поэтому ждал ответа Му Лян снаружи.

Когда дверь открылась, он в несколько шагов оказался рядом:

— Как её раны?

— Уже заживают, нужно ещё немного времени для полного выздоровления, — опустив глаза, Му Лян избегла взгляда отца, но в его голосе слышалась глубокая забота.

Му Нэн успокоился, немного походил взад-вперед и спросил:

— Синьян её привезла?

— Нет, она сама сбежала. Если у тебя будет время, сходи в резиденцию принцессы, чтобы выразить благодарность. Это сохранит лицо обеих семей, — предложила Му Лян, намекая, что о заключении больше не стоит упоминать, и что Синьян в последнее время действительно хорошо относилась к Линь Жань.

— Благодарность... — повторил Му Нэн, махнув рукой, чтобы слуги во дворе удалились, и тихо спросил:

— Синьян её признала?

— Кажется, нет. Линь Жань не упоминала об этом. Её отношение к Синьян осталось таким же, как и обычно, — Му Лян внимательно вспоминала каждое слово и действие Линь Жань после её возвращения, но, кроме трудно скрываемой радости, больше никаких эмоций не было видно.

После таких событий Линь Жань вряд ли могла бы вести себя так, будто ничего не произошло.

Му Нэн потерял терпение. Он никогда не любил интриги и не хотел жить в постоянном страхе.

Он махнул рукой:

— Лучше бы поскорее сыграть свадьбу. Зачем всё это? Давайте закончим это до праздника Дуанью, чтобы я мог спокойно жить, а не думать о том, что происходит между Синьян и семьей Су.

Все эти годы он боролся за линию Ло Цин, возможно, из-за чувства вины перед семьей Ло, Му Нэн держал этого ребёнка на руках и ценил его больше, чем Му Лян.

Теперь, когда он должен был вернуть этого ребёнка Синьян, это было невозможно. Синьян была прямолинейной и обязательно упомянула бы о родственных связях между тёткой и племянницей, поэтому лучше было бы просто сыграть свадьбу.

Решив это, он не стал ждать ответа Му Лян и добавил:

— Свадьба состоится до праздника Дуанью. Если резиденция княжны не готова, проведём её в резиденции Линь. Мне кажется, что дом хороший, а позже переедем в резиденцию княжны. Я пошёл выпить.

Он быстро принял решение и ещё быстрее ушёл выпить, не оставив Му Лян возможности возразить. Она молча вздохнула, понимая, что эти события ускорили их свадьбу с Линь Жань.

Несколько дней назад бабушка прислала письмо, в котором назначила дату на восьмой месяц.

Время, когда ветер прохладен, а воздух свеж, не будет душным, и гостям будет комфортно, но отец, торопясь, перенёс дату на три месяца раньше.

В резиденции Линь ничего не было подготовлено, Линь Жань не разбиралась в таких вещах и не знала, что делать, поэтому нужно было спросить у бабушки.

После полудня Му Нэн отправился в резиденцию принцессы, чтобы выразить благодарность, а Му Лян взяла Линь Жань с собой, чтобы выехать за город в обитель.

За городом дорога была широкой, по обеим сторонам шло много людей: простолюдины шли пешком, богатые ехали в повозках, воины скакали на лошадях. Повозка девятого князя была скромной, без каких-либо знаков отличия, ничем не отличаясь от повозок богатых людей.

Несмотря на толпу, Му Хуай заметил что-то странное. Он несколько раз оглядывался назад, словно за ними кто-то следил.

Заметив это, он подъехал к повозке и сказал:

— Княжна, кажется, за нами кто-то следует.

— Пусть следуют, только не давайте им подойти слишком близко, — спокойно ответила Му Лян.

Линь Жань же откинула занавеску окна и с любопытством спросила Му Хуай:

— Учитель Му, кто эти люди?

— Не знаю. Хотите, чтобы я проверил? — с виной в голосе ответил Му Хуай.

Му Лян в повозке потянула Линь Жань обратно, показывая, чтобы она села ровно, и

продолжила разговор с Му Хуаем:

— Нет необходимости. Пока они не проявляют злых намерений, не стоит их провоцировать. Безопасность бабушки важнее всего.

— Хорошо, — Му Хуай отступил.

Он продолжал быть осторожным, и к моменту прибытия в обитель те люди так и не подошли ближе. Слуги князя были мужчинами, и они не могли следовать дальше, поэтому остались ждать у подножия горы.

Линь Жань и Му Лян подошли к воротам обители на закате, когда солнце, отражаясь в воде и горах, создавало красоту, сравнимую с утренним рассветом.

Обитель была построена на склоне горы, используя естественный рельеф для создания ворот. Девяносто девять ступеней, каждая из которых была крутой, символизировали искренность. Обычно сюда никто не приходил, поэтому здесь не было большого количества паломников.

Старая госпожа, будучи в возрасте, не любила шума, ежегодно отправляла людей с пожертвованиями и иногда сама приезжала сюда на несколько дней.

Женщина-наставница из обители лично встретила Му Лян и Линь Жань у ворот и объяснила:

— Старая госпожа и наш наставник обсуждают буддийские учения. Может быть, вы отдохнёте, а когда она вернётся, мы поужинаем вместе.

Внутри обители витал аромат сандалового дерева, тропинка была тихой и спокойной, создавая ощущение умиротворения. По мере того как они шли за женщиной-наставницей, запах сандала становился сильнее, и через некоторое время они почувствовали облегчение, отличное от суеты внешнего мира, здесь было ощущение небывалого спокойствия.

Возможно, из-за малого количества паломников атмосфера была иной.

В храмах с большим количеством паломников гостеприимство не всегда было хорошим, люди были шумными, и это не сильно отличалось от города Лоян.

Через полчаса старая госпожа вернулась с помощью служанок, и Линь Жань с энтузиазмом подошла к ней. Три поколения семьи весело поужинали вместе.

Линь Жань первой вернулась в свою комнату, а Му Лян осталась в комнате, чтобы приготовить чай на маленькой печке. Когда вода закипела, она добавила чайные листья.

Небольшая комната наполнилась горячим паром, Му Лян смотрела на кипящую воду, слегка отвлекаясь. Чайные листья кружились в воде, а белый пар поднимался перед её глазами.

Она налила чашку чая и передала её бабушке, улыбаясь:

— Это чай, который принесла Линь Жань. Она сказала, что его прислали из Цзяннань, но не сказала, как он называется, только то, что вкус не слишком насыщенный и подходит вам.

— Она всегда внимательна, хорошо помнит ваши с отцом предпочтения. Раньше Линь Сы также тщательно изучал предпочтения вашей матери, и всё, что она просила, семья Линь приносила. За пять-шесть лет это привело к её жадности.

Старая госпожа внимательно посмотрела на зелёный чай, слегка подула на него, и чайные листья закружились:

— Когда вы поженитесь, госпожу Вэй нужно будет вернуть. Однако ваш отец не испытывает к ней чувств, и, боюсь, они не будут ладить. Кроме того, события многих лет назад оставались занозой в сердце. Если она исправится, то Линь Жань будет уважать её, как и положено. Боюсь только, что её ослепит серебро, и она снова совершит ошибку, которую уже нельзя будет исправить.

В горах было прохладно, даже закрыв двери и окна, чувствовался лёгкий холод. Му Лян держала чашку с чаем, её глаза отражали воду, и на поверхности появлялись небольшие волны. Она подумала и сказала:

— Тогда не будем её возвращать.

Дела семьи Му были просты. Госпожа Вэй, хотя и была под замком, но всё необходимое ей предоставлялось, как и в княжеской резиденции, поэтому её возвращение не было столь важным.

Жёсткость Му Лян удивила старую госпожу. Она вырастила Му Лян, но никогда не думала, что та отдалится от матери настолько.

Она осторожно спросила:

— Ты действительно не хочешь её вернуть? Ведь тогда и твоё лицо будет под угрозой.

— Моя свадьба с Линь Жань и так вызовет насмешки. Наличие матери не играет роли. Если я не обращаю внимания на статус тётки и племянницы, то почему я должна заботиться о светских пересудах? — с лёгкой улыбкой ответила Му Лян, её глаза были окутаны мраком, больше не отражая зелёного чая.

— Тётка и племянница? — рука старой госпожи дрогнула, она не понимала этих слов.

Му Лян сказала:

— Линь Жань — дочь Ло Цин. Как вы думаете, могу ли я считаться её тёткой?

— Дочь Ло Цин? — чашка с чаем выпала из рук старой госпожи, её удивление было неописуемым. Она заволновалась:

— Ло Цин давно умерла, и, согласно обычаям, ребёнок в её утробе не был доношен. Как она могла родить?

<http://bllate.org/book/16862/1553851>